

А.Г. Горбунова
философ, историк культуры, поэт,
сотрудник Института гуманитарного образования
Санкт-Петербургского государственного политехнического университета
allagor85@yandex.ru

УТОПИЯ ВАМПИРОВ

В статье анализируются типы репрезентации прошлого и мифология бессмертия в новом фильме Джима Джармуша «Выживут только любовники». Показывается, что спектр эмоциональных отношений к прошлому в фильме Джармуша (меланхолия, страх, желание) служит прежде всего созданию универсалистской мифологии «вечного возвращения». «Смерть субъекта» и «поиск наслаждения» оказываются необходимо взаимосвязаны как универсальные репрезентации самосознания.

Ключевые слова: Джармуш, утопия, кино о вампирах, повседневность, наслаждение, представления о прошлом

The essay is on Jim Jarmusch *Only Lovers Left Alive* (2013) as a representation of the past, framed with mythological pattern of immortality. We prove, that emotional conditions of the past experience (melancholy, fear, desire) are subject to the universal return to the same as the mythical "self". "The death of the actor/subject" and "desire of desire" are equally necessary to improve the level of the self-consciousness of the characters.

Keywords: Jarmusch, utopia, vampire cinema, everyday life, pleasure, representations of the past

Разные типы эротических утопий отражают различные модальности желания и наслаждения. Они по-разному конструируются, предполагают собственные перспективы и опасности. В фильме Джима Джармуша «Выживут только любовники» сюжет кажется второстепенным по отношению к настроению, эстетике, моделируемой чувственности. Наибольший интерес представляет то, как выстраивается повседневность главных героев, их (весьма своеобразный) жизненный мир, их отношение друг к другу и к миру за пределами их утопии.

Главная метафора фильма характерна для современной массовой культуры, при этом иронична и романтична: оба возлюбленных – вампиры. Архетипические любовники вместе много столетий, это подчёркивают сами их имена – Адам и Ева. В мире людей – они одновременно маргиналы, аутсайдеры, но и бессмертные избранные, живущие в своей собственной утопии, основанной на вечной любви, неугасающем интересе к искусствам и наукам и, конечно же, на самом сладчайшем – крови. Они вместе так давно и знают друг друга так хорошо, что им не нужно постоянно находиться рядом: она живёт в Танжере, он в Детройте, и они летают друг к другу в гости на ночных рейсах, потому что они – маргиналы и бессмертные избранные – не могут выносить солнечного света, бодрствуют и перемещаются по городам ночью, а днём спят. Маргинальность и избранность подчёркивается также жизненными условиями Адама (запущенный дом на отшибе Детройта, из которого он почти не выходит) и родом его деятельности – принадлежность к рок-андеграунду. Вся история человечества проходила перед глазами наших любовников, и они легко разговаривают о татаро-монгольском иге, инквизиции и прочих вещах, которым они были свидетелями, вспоминают великих учёных (Пифагора, Галилея, Теслу) и деятелей искусств, с которыми общались (Байрон, Шуберт). Ева возит с собой чемоданы с любимыми книгами, Адам заказывает редкие музыкальные инструменты и записывает по ночам мрачную музыку. Людей, как в прошлые времена, они не кусают, а цивилизованно добывают кровь из больниц. Адам – музыкант и мизантроп, «мерзавец», «гамлетовский тип», сторонится обычных людей, ведь эти люди травили великих учёных, бессмысленно истребляли друг друга (при этом «великих» человечества Адам любит,

и их фотографиями обклеена стена в его доме: там Эдгар Алан По, Франц Кафка и др.). Адаму вообще не нравится, куда катится мир: всё становится хуже и хуже, завод, где производили самые красивые машины, закрыт, а старинный театр превращён в парковку. Всюду признаки запустения и деградации человечества. То ли драма человеческой истории, которая разворачивается перед глазами любовников-вампиров, и правда повествует об обречённости мира, то ли Адам просто очень устал. Ева более жизнерадостна, у неё светлые волосы, она одевается в белое, и производит впечатление фосфорической светящейся вампирессы в исполнении Тильды Суинтон. Она старается развеивать меланхолию Адама, который, похоже, всё же является единственным субъектом в этом фильме. Ева же, хоть и вампиресса, воспроизводит традиционные гендерные роли: она выступает музой, опекающей подругой, помощницей и спасительницей для Адама. Как и подобает дамам, она нежная, и разговаривает с мухоморами, которые несвоевременно выросли в саду.

Как бессмертные избранные Адам и Ева являются обладателями полноты времени: для них человеческая история и культура не раздробленное на фрагменты, а единое поле, непрерывность в их собственном времени. Но даже обладая этой непрерывностью, Адам всё равно не может найти в ней смысл и думает о самоубийстве. Даже полнота времени, полнота любви, искусство и наука, и сладчайшее – кровь, не предохраняют от усталости и разочарования. Скорее, наоборот, потребление крови как сгущённой субстанции жизни делает вампиров особенно чувствительными к нарастающей в мире мерзости запустения.

Отношения Адама и Евы замкнуты друг на друга. Любовники отражают друг друга и являют собой пример предельной близости. Никакая угроза извне не может разрушить их союз. И союз этот поистине нечеловеческий: близость превыше той, что может быть между двумя людьми, потому что она скреплена столетиями и кровью. Та степень единения, где человек бежал бы, боясь разрушения своей реальности, когда зеркало возвращает взгляд, для них выносима. (Конечно, вампиры здесь только метафоры людей, и то, что происходит с ними – может происходить и с людьми, которые допускают это «нечеловеческое», а может быть, «слишком человеческое» в себе). Адам и Ева, будучи отражениями друг друга, своего рода непохожими двойниками, при этом имеют гармоничные отношения, длящиеся столетия. Но мотив кошмарного двойника, разрушающего жизнь субъекта, всё же проскальзывает, – в появлении второй вампирессы – сестры Евы. Она оказывается третьим лишним, двойником, который появляется в самый неподходящий момент, разрушающим жизнь субъекта и делающим то, на что субъект не решается (исполняя его скрытые желания). Так, сестра Евы неумеренно опустошает запасы чистой нулевой отрицательной крови из холодильника Адама и «выпивает» человека, после чего Адам выгоняет её из дома.

Кровь, являющаяся сладчайшим для вампиров (в фильме подробно показано, какое наслаждение доставляет вампирам питье крови: они запрокидывают головы, их губы расползаются в улыбке, обнажая проявившиеся клыки), отвечает за собственно реальное: что может быть реальнее крови? Мир людей лишён этой реальности, гарантом которой является потребление крови – самого вожделенного, непосредственного самобытия наслаждения. Вампиры живут в этом наслаждении. Потому они и вызывают у простых смертных такой страх и влечение. Для человека слияние с наслаждением смертельно, восстановление «изначального бытия» предполагает смерть субъекта. Но когда мы прибегаем к метафоре вампира, мы рисуем ту полноту наслаждения, о которой мы мечтаем и которая для нас невозможна. Нарциссизму, восстанавливаемому через употребление крови, здесь ничто не мешает. Нет и главного препятствия для него – человеческой смертности, которая непосредственным образом ограничивает нарциссическую цельность.

Взаимное нарциссическое отражение вампиров таково, что его метафорическим выражением становится рассказанная Адамом Еве теория Эйнштейна о тождественных частицах. Адам говорит Еве, что с одной частицей будет происходить то же самое, что и с другой, даже если они будут

помещены в противоположных концах Вселенной. Это самые совершенные зеркала друг друга, самые совершенные двойники.

Сочетая вкрапления юмора и контркультурный колорит (рок-пластинки, ретро-гитары, дом Джека Уайта и т.д.), «Выживут только любовники» отличается усталым и при этом нежным настроением обречённости, бескомпромиссным эстетизмом и романтизмом, представляя нам эту любовную историю.

ФИЛЬМОГРАФИЯ

Выживут только любовники / Only Lovers Left Alive (2013, реж. Д.Джармуш, Великобритания/Германия/Греция), игр.